

ДВЕ СТЕЛЫ XI ДИНАСТИИ ИЗ ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Среди памятников ГМИИ им. А. С. Пушкина имеются две первоклассные стелы, относящиеся ко времени XI династии — стела Хени 1137 и стела Хенену 5603 (4071). Обе эти стелы были изданы 40 лет назад. Академик Б. А. Тураев издал стелу Хени в 1912 г. в ЗКОРАО, т. VIII, стр. 14—17, табл. 3.; стела Хенену¹ была опубликована в том же году В. С. Голенищевым в «Памятниках Музея изящных искусств», вып. I—III под названием «Египетская могильная плита 4071». В настоящее время эти издания стали библиографической редкостью.

Издание большого египетского словаря² и специальные работы, посвященные языку надписей XI династии, позволяют несколько уточнить устаревшие переводы. Благодаря систематическим раскопкам храма и некрополя XI династии, а также исследованиям вопросов истории и искусства того времени, мы имеем теперь возможность более точно датировать эти памятники, относя каждую из стел к определенному царствованию. От XI династии до нас дошло относительно мало памятников изобразительного искусства, в том числе и стел. Между тем для истории развития заупокойных стел это время очень интересно, так как именно в этот период зарождается тот тип надгробной плиты, который нам хорошо известен в гробницах Среднего и Нового царства. Именно в это время меняется форма гробницы, а вместе с ней и стела. «Вместе с видоизменением могильной часовни, в которой теперь трудно было поместить всю массу изображений и надписей, украшавших комнаты в мемфисских масштабах, изменился также и внешний вид могильной плиты. Она уже не являлась дверью, отделявшей загробный мир от настоящего, а представляла собой как бы сокращенное воспроизводство всей могильной часовни: на нее перешли молитвы к богам о лице и о загробных блаженствах, на ней же изображался покойный перед столом, уставленным жертвами...»³.

Стелы XI династии еще не получили того законченного оформления, которое мы встречаем в более поздние периоды. Вначале это большей частью прямоугольная плита⁴, с надписью, расположенной сверху и справа⁵. В левом нижнем углу помещалось рельефное изображение покойного, стоящего перед жертвенным столом, либо сидящего на стуле. Перед покойным обычно стоял жертвенный стол с традиционными жертвенными дарами; нередко помещали и приближенных покойного, приносивших заупокойные жертвы. Рядом с покойным иногда изображались члены его семьи, большей частью его жена, иногда сын. Расположение фигур и надписей на стелах ГМИИ 1137 и 5603 характерно для стел XI династии.

¹ В. С. Голенищев читал его имя «Хунен».

² A. Erman und H. Grapow, Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Lpz., 1931.

³ В. С. Голенищев, Ук. соч., стр. 7.

⁴ Стелы с закругленным верхом появляются в конце XI династии; см. G. Ebers, Stadt aus Stein, München, 1929, стр. 74.

⁵ В поздних стелах надпись справа исчезает и остается только над рельефом.

Первая из публикуемых стел принадлежит начальнику царской сокровищницы, Хени. Плита сделана из известняка, она распилена на две неравные части. Размеры левой части — 87 × 70,5 см, правой — 72 × 34 см. (правая разбита на два фрагмента). Текст, помещенный на плите, местами поврежден из-за отколов. Плита пострадала, повидимому, и при распиловке, из-за чего утрачено несколько пероглифов; имеются сбои и в нижней части рельефа. Верхняя часть плиты занята тремя длинными строками. Три короткие горизонтальные строки расположены уже в прямоугольнике, занятом рельефом. Весь правый фрагмент покрыт тремя горизонтальными и шестью вертикальными строками текста.

Стела 1137. Перевод

1. Да будет милостив царь и даст жертву¹, и да будет милостив Анубис, находящийся на своей горе, пребывающий в Ут, владыка земли прекрасной, и даст жертву [тысячу хлебов, тысячу быков и гусей, тысячу одежд, тысячу вся]ких хороших вещей чистых — начальнику царской сокровищницы, единственному семеру, возлюбленному своего господина [великого], находящемуся в месте тайном его увеселений.

2. Почтенному, первому после царя, Хени говорит он: я провел время своей жизни великой годами², сопровождая владыку Гора Уаханха, царя Верхнего и Нижнего Египта, сына Ра, Интефа Великого, сына Нефру³, во все места прекрасные.

3. Ничто не случилось при этом благодаря мудрости [моей. Я был тем], чей характер любим в доме его господина. Я склонял руки среди его опахалоспев (?)⁴. Не очернял я человека перед господином его, не произносил я слов всяких наружу.

4. Я был слугою верным, любимым перед лицом своего господина, хвалим им первым [по месту]

5. в доме своего господина. Я следовал за царем ночью и днем в места всякие прекрасные, так как велика

6. была его любовь. Я слуга его доверенный в покое тайном для совещания наедине⁵;

7. никогда я не делал там своим ртом зла людям всяким, докладывая самому владыке лично. О вы, живущие на земле,

8. любящие жизнь и ненавидящие смерть, проходя [мимо этой гробницы],

9. скажите: тысячу хлебов и нива, тысячу быков и гусей, тысячу воскурений и одеяний, тысячу всяких вещей для почтенного [Хени, сына Хевит].

¹ Формулу *djnswt. ntr* Б. А. Тураев не переводит, а дает в транскрипции.

² Тураев переводит: «Я провел продолжительное время в течение ряда лет». Предлагаемый перевод более точен. Это выражение типично для целого ряда стел данного периода. Например, Британский музей, стела 613, строка 3-я; Метрополитэн-музей, стела 14. 2. 6, строка 3—4-я; Каирский музей, стела 20343, строка 7-я и стела 34346, строка 3-я.

³ *mš Nfrw* Б. А. Тураев переводит как «производитель прекрасного». Гораздо правильнее считать «Нефру» именем матери Интефа, тем более что это имя было обычным при XI династии. Отсутствие предлога «и» между словом *mš* и именем часто встречается в надписях того времени. Предлог отсутствует и в выражении «Хени, сын Хевит» на этой же стеле.

⁴ Перевод Тураева «в сени которого сгибались руки» неудовлетворителен, как он сам отмечает в примечании 5 на стр. 15. Наш перевод: «Я склонял руки среди его опахалоспев» — тоже чрезвычайно сомнительный. Неясно значение слова *šwt*. Возможно, что это слово производится от «опахало» и переводится как «опахалоспевы». Ср. стелу Британского музея 614, строка 7-я.

⁵ Б. А. Тураев переводил: «Я — слуга его, высокий сердцем в зале сокровенном единственных семеров». Однако он сам считает этот перевод сомнительным, тем более, что в тексте не хватало знака для слова «семер». Смысл при этом переводе остается неясным. Словарь дает для выражения *šh štj* и *šw^c* значение «совещания с царем наедине». Для *k ib* словарь дает значение «доверенный».

а) *Надпись над жертвенным столом*

1. Простирание руки к жертвенным дарам.
2. Снабжение жертвоприношениями в начале месяца, в середине месяца, в праздники всякие для «Ка»
3. Почтенного Хени, сына Хеви[т].

б) *Надпись около изображения слуг*

1. Воскурение для «Ка» его, подданным его Нахтибом.
2. Поднесение окорока «Ка» почтенного Хени его подданным Хени.
3. «Ка» твоему, владыка сладости почтенный, возлюбленный.

* * *

Вторая стела принадлежит Хенену, знатному египтянину, несомненно, придворному одного из фараонов XI династии. Ниже мы попытаемся более точно датировать эту стелу и показать принадлежность Хенену к придворной знати.

Размеры стелы — 119 × 73 см. Она сделана из известняка необычайного, редкого тона палевого цвета с розоватым оттенком. Низ стелы отколот и закруглен уже позднее, при этом утрачена часть надписи и поврежден рельеф. На стеле глубокие трещины и сбой, повредившие местами надпись. 11 горизонтальных строк надписи занимают всю верхнюю часть стелы. В левой нижней части изображен покойный с женой перед жертвенным столом, на котором нет жертвенных даров, но их заменяет надпись справа. Внизу, под рельефом, — 12-я строка текста с перечислением заупокойных жертв и магическая формула. Нижние строки текста и часть 12-й строки утрачены.

Стела 5603 (4071). Перевод

1. Да будет милостив царь и даст жертву¹, да будет милостив Осирис, владыка Бусириса, бог Запада, владыка Абидоса во всех местах его, и даст жертву: тысячу хлебов, тысячу быков и гусей, тысячу одежд,
2. тысячу всяких прекрасных вещей, чистого хлеба храма Монту, съестных припасов² из храма Осириса, напитков, жертвенные дары и из числа (sic) пива и еды
3. владыки Абидоса, молока красных коров, появляющихся перед великим богом, тысячи жертвенных даров великих богов, которые любят вкушать блаженные, для почтенного Хенену.
4. Да проедет он воды небесные³, пересечет дорогу (по суше), взойдет он к богу великому. Да будет он погребен⁴ в стране Запада прекрасной в качестве почтенного перед Осирисом.

¹ Перевод В. С. Голенищевым заупокойной формулы — «царь да дарует жертвы Осирису», а не покойному — устарел. Из текста следует, что и царь и Осирис даруют жертвы покойному.

² Dbh-ḥtp В. С. Голенищев переводит «из жертвенных таблиц», что имеет весьма туманный смысл. Словарь для этого выражения даст ясный перевод «съестные припасы, приносимые покойному». Далее В. С. Голенищев не совсем точно перечисляет принесенные в жертву продукты.

³ Перевод В. С. Голенищева «да проедет он в ладье по своду небесному, да пройдет он по выси», — несколько произволен. «Bj» имеет значение «воды небесные». Это выражение противопоставляется ḥrt — «дорога» по суше.

⁴ sm³ t² имеет необычный детерминатив W49. Это слово имеет значение «причалить» и «быть погребенным» (букв. перевод «соединиться с землей»). В. С. Голенищев переводит это выражение, встречающееся в надписи Хенена в 4-й и 8-й строках, как «причалить». Мне кажется, что в первом (строка 4-я) случае следует переводить «погребен», а на строке 8-й «причалить».

Рис. 1. Стела Хенни, № 1137

Рис. 2. Стела Хенену, № 5603

5. Да отправится он к западному горизонту, к месту, где находится Осирис, да откроет ему некрополь руки свои; да даст ему страна Запада руки свои; да вступит он с миром на путь, который он хочет.

6. Да пройдет¹ он пути Некрополя вместе со служителями Осириса, да откроется для него место, где совершается обряд открывания рта², да принесет ему Нил свои жертвенные дары, да будет он есть своим ртом

7. и видеть своими глазами, и да знает он, что он находится среди блаженных. Да будут ему поданы руки в ладье Нешмет на путях страны Запада.

8. Да будет ему сказано старейшими Абидоса: «приди с миром». Да будет он грести в ладье «Месектет» и да причалит он (к берегу)

9. в ладье «Менджет»³ и скажут ему старейшие: «поднимись с миром к Ра, находящемуся на небе, о почтенный.

10. Имя твоё прекрасно, ты любим братьями и хвалим отцом ежедневно⁴, о Хенену, сын Сенет».

11. Да будет снабжен жертвенный стол в начале месяца, в середине месяца и во все праздники для души Хенену и жены его единственной, царской «Хенерт» Сенет.

12. [Да будет милостив царь и да даст жертву, и да будет милостив Анубис, находящийся на своей] горе, пребывающий в Ут, владыка земли прекрасной и даст жертву тысячу хлебов, тысячу гусей, тысячу одежд, тысячу тканей, тысячу всяких вещей прекрасных для почтенной ма[тери его Сенет].

Надпись над жертвенными дарами ⁵

1. Кувшин и таз. Сосуд с натром, два шарика с благовониями, два шарика хлеба разных сортов, сосуд с напитком «сехнеб», сосуд с напитком «сатет».

2. Гусь. Нога быка. Мясо. Лопатка быка. Хлеб «нехеру». Два сосуда пива, сосуд с напитком «сехпет», вино из «пирамидных виноградников». Хлеб «хебененут» и хлеб «хесрененут».

3. Два сосуда с «уах», два сосуда с «небес» и два сосуда хлеба из «небес», два сосуда фиг.

4. Руки, пусть дадут они побилле воды.

5. Да очистят они полученное.

Датировка стелы Хени не представляет больших трудностей. Имя фараона Уаханха Интефа II Великого, встречающееся в 3-й строке надписи, позволяет отнести стелу ко времени царствования Интефа II. Однако Интеф II правил около 50 лет

¹ Dndn имеет значение не «попирать пути» (как у Голенищева), а «пересечь» «пройти».

² Pt dw't не «дверь», как у В. С. Голенищева, а «место, где совершается обряд открывания рта» для того, чтобы покойный мог принимать пищу, принесенную в жертву.

³ Чтение В. С. Голенищевым ладьи «Аду» (или «Анду», «Андзу») устарело — теперь это слово читается «Менджет» — название солнечной барки, которой солнце пользуется утром и днем. «Месектет» — солнечная барка ночная и вечерняя.

⁴ В. С. Голенищев переводит: «имя которого хорошо, о тот, который был приятелем своих братьев и любимцем своего отца в течение каждого дня». При этом он считает, что «в течение каждого дня» относится к содержанию всей надписи. Такое выражение «любим братьями и хвалим отцом ежедневно» очень распространено. Оно встречается на стелах, в надписях автобиографического характера и в более ранние и более поздние эпохи.

⁵ В этой надписи уточнены названия даров. Однако ясно значение не всех слов, поэтому некоторые из них оставлены без перевода.

(с 2130 по 2081 г.), и было бы очень интересно установить более точное время появления стелы, указав, относится она к началу или к концу правления Интефа II.

Сама надпись дает для этого мало материала. Палеография стелы Хени, так же как и стелы Хенену, типична для стел XI династии вообще и не позволяет датировать стелу царствованиями определенных фараонов. Во время правления Интефа II к концу его царствования произошли важные события, отразившиеся в целом ряде стел его времени — война с Гераклеополем, о которой он сам упоминает в своей стеле, находящейся в Каирском музее, № 20512; говорится об этом и в стелах его современников Джари¹ и Тети². В стеле Хени нет указаний на участие в этой войне; следовательно, он либо умер раньше, чем она началась, либо вообще не принимал в ней участия, будучи придворным, а не военным.

Это обстоятельство может отчасти служить доказательством того, что эта стела была вырезана до начала войны. Однако это только косвенное доказательство, нуждающееся в подкреплении другими аргументами. Последние может доставить анализ изображения.

Рельеф расположен в левом углу стелы. Главная фигура композиции, покойный Хени, занимает место слева. Правая рука³ Хени вытянута по направлению к жертвенному столу. Изображение выполнено выпуклым рельефом, с очень типичной для XI династии трактовкой лиц и фигур. «Длинные тела, короткие широкие головы, закругленная линия носа, толстые губы, круглый, точно срезанный подбородок, мини-мальное количество деталей»⁴. Этими словами можно охарактеризовать фигуры Хени и его слуги. Складки на груди, подчеркнутая коленная чашечка, резко обозначенные мускулы на ноге и совершенно гладкие одежды, ожерелье и парик еще больше подчеркивают особенности рельефов начала XI династии.

Среди стел придворных Интефа II имеется вышеупомянутая стела Тети, жившего в конце царствования Интефа II и в начале правления Интефа III (он говорит в своей надписи о смерти Интефа II Уаханха и вступлении на престол Интефа III — Нахнебтеннефер). Стилистически обе стелы чрезвычайно близки друг к другу. Это сходство, отмеченное еще Б. А. Тураевым (стр. 14), сразу бросается в глаза при сопоставлении обоих памятников. Однако имеются небольшие, но чрезвычайно существенные отличия. На стеле Тети ожерелье детально разработано, несколько изменилась композиция всей стелы — исчезли вертикальные строки справа, осталась одна горизонтальная надпись над изображением покойного и жертвенным столом. Эти два момента, типичные для середины XI династии, начинают уже появляться при Интефе III, во время правления которого была изготовлена стела Тети, и даже в конце царствования Интефа II. Стелы Интефа из его гробницы в Фивах⁵, изготовленные в конце его царствования, близки по стилю стеле Тети, а не Хени, так же как и рельеф Каирской стелы, 20512, датированный 50 годом Интефа II.

Таким образом, несмотря на то, что Хени и Тети служили при дворе одного и того же фараона, они не были современниками. Хени, судя по стилю его стелы, принадлежащему к самому началу XI династии, жил в самом начале правления Интефа II; его отделяют от Тети несколько десятков лет.

Датировка стелы Хенену значительно сложнее, чем датировка первой стелы, так как в ее надписи нет никаких прямых указаний на время ее создания. Не только не упомянуто имя царя, при котором жил Хенену, но в надписи нет даже его титулатуры. Однако палеография стелы настолько типична, что не оставляет никакого сомнения в принадлежности ее к XI династии. Красивые иероглифы, тщательно очерченные и выполненные врезанным рельефом, типичны для этого периода. Характерное написа-

¹ Fl. Petrie, Qurneh, табл. 1.

² Стела Британского музея, 614.

³ На рельефе правая рука изображена как левая. Благодаря условно изображенному большому пальцу, обе руки оказываются левыми.

⁴ М. Э. Матъе, Искусство Среднего царства, Л., 1941, стр. 15.

⁵ Стела Метрополитэн-музея, № 13, 182, 3.

ние некоторых знаков встречается только в надписях этого периода, как, например: знак $m\dot{s}$ (M 80), $\dot{s}s$ (V 6), детерминатив свитка папируса (Y 2) и детерминатив при слове $sm\dot{s}$ $t\dot{s}$ (W 49). Эту особенность палеографии отметил уже В. С. Голенищев и первый датировал ее временем XI династии¹. Однако утверждение Голенищева, что Хенену жил в начале XI династии и был современником Интефа II Уаханха, неверно. Голенищев исходил из предпосылок, что плита Хенену, кушленная в Луксоре, была найдена, очевидно, в Дра-Абу-эль-Негга, где помещался некрополь Интефа II, и из того, что в стеле упоминаются «хлебы из храма Монту», культ которого, распространенный в Гермонтисе, играл видную роль до XI династии и, следовательно, в начале ее правления. Наконец, последний аргумент В. С. Голенищева (стр. 8 сл.) состоял в том, что стела Хенену очень близка по стилю к точно датированным стелам Хени и Тети.

Однако все эти предпосылки мало убедительны. Из некрополя Дра-Абу-эль-Негга происходят и более поздние стелы. Кроме того, вполне возможно, что наша стела была найдена в другом месте, например, в Дейр-эль-Бахри, где была найдена Уинлоком гробница Хенену², современника Ментухотепа III Санхкара.

Упоминание бога Монту может свидетельствовать также и о второй половине XI династии, когда культ этого бога тоже имел достаточно широкое распространение, о чем можно судить по именам последних фараонов Ментухотепов. Заупокойная формула с именем Осириса, написанная в начале стелы, тоже подчеркивает ее принадлежность к концу XI династии, так как культ Осириса при фараонах этой династии получает широкое распространение лишь после завоевания Абидоса, т. е. во второй половине правления XI династии.

Решающим моментом в определении датировки стелы могут служить стилистические особенности рельефа Хенену и его отличие от других современных рельефов. Стела Хенену прямоугольна, но в отличие от стелы Хени она вытянута не в ширину, а в длину, причем основным текстом, заключенным в 11 горизонтальных строках, занята верхняя часть плиты; под рельефом идут снова строки текста, из которых сохранилась частично только одна; вертикальные строки справа исчезли. Небольшая пояснительная надпись над жертвенным столом магического характера сохранилась и на этой стеле. Главные фигуры рельефа — Хенену и его жена — помещены в левом углу. Хенену сидит рядом со своей женой (по законам египетской условной «перспективы» она изображена сзади мужа). Хенену сидит на стуле. В левой руке, согнутой в локте, он держит сосуд, правая рука, так же как и у Хени, протянута к жертвенному столу, покрытому листьями папируса. Изображение жертвенных даров заменило их подробное перечисление³. В отличие от стелы Хени, парик и украшения Хенену выполнены с подчеркнутым выписыванием деталей. Ожерелье «усех» у Хенену состоит из четырех рядов, у его жены Сенет из пяти рядов четко отделанных бусин. У него на руках, а у нее на руках и ногах, надеты браслеты с геометрическим орнаментом из вертикальных и горизонтальных полосок. Парик Хени весь в мелких завитках, парик его жены разделан прямыми прядями. Передник Хени гладкий, но поясок орнаментирован зигзагообразными линиями. Одежда Сенет из тонкой чешуйчатой ткани, мастерски переданной в рельефе, плотно облегает тело. Платье Сенет очень напоминает платье служанки из гробницы Мекетра в Дейр-эль-Бахри, современника Ментухотепа III Санхкара.

Эти типичные стилистические черты рельефов второй половины правления XI династии можно наблюдать на целом ряде других рельефов этого периода. Таковы

¹ На стеле Хени эти знаки имеют такое же написание. К ним можно прибавить еще знак $\dot{k}d$ (O 77) и $gr\dot{h}$ (N 3) — «ночь».

² Winlock, *AJSL*, LVII (1940), стр. 149. Уинлок считает, что граффити в Шаттер-Ригаль принадлежит тому же Хенену, который был погребен в Дейр-эль-Бахри. Было бы очень соблазнительно отождествить Хенену стелы 5603 с Хенену из гробницы в Дейр-эль-Бахри.

³ Некоторая часть перечисленных даров изображена рисунками, а не написана иероглифами.

рельефы на стелах Мегеги — современника Интефа III и Ментухотепа I и на стеле Маат — современника Ментухотепа II¹, на рельефах Ментухотепа II Небхептера в Шатт-эр-Ригаль² и его же рельефы в храме в Тоде, рельефы на саркофагах царевен Каут и Ашант из Дейр-эль-Бахри, на рельефах Ментухотепа III Санхкара в его храме в Тоде и Арманте около Фив.

Однако, отмечая общие черты поздних рельефов XI династии, их большее совершенство по сравнению с более ранними рельефами Интефа III³, мы можем отметить и резкое различие между рельефами времени Ментухотепа Небхептера и Ментухотепа III Санхкара. Первые выполнены техникой врезанного рельефа, и в художественном отношении они, несомненно, являются значительным шагом вперед, по сравнению с предыдущими стелами и рельефами. И это понятно: Ментухотеп II был первым из парей XI династии, который, одержав окончательную победу над Гераклеополем, объединил весь Египет и с полным правом носил уже титул царя Верхнего и Нижнего Египта. Естественно, что его двор был значительно богаче и пышнее, чем его предшественников, а его придворные скульпторы выразили это в более совершенных по выполнению и в более пышных по оформлению рельефах; появляется уже стремление к разработке деталей, чтобы создать впечатление богатой одежды.

Однако это стремление к передаче пышных одеяний и богатых ожерелий, браслетов, украшавших вельмож, достигает высшей точки при Ментухотепа III Санхкара, который уже с момента своего вступления на престол был владыкой всего Египта и соответственно своему высокому положению стремился поддерживать блеск и роскошь своего двора. Выполняя социальный заказ фараона, художники создавали рельефы, в которых отражали новые черты придворной жизни, подчеркивая этим могущество фараона и его вельмож. Стела Хенену выполнена выпуклым рельефом, излюбленной техникой мастеров Ментухотепа III⁴; в ней специально переданы украшения, детали одежды, фактура платья Сенет, напоминающая платье фигурки носительницы даров из гробницы Мекетра, современника Ментухотепа III Санхкара, и, наконец, тонкое мастерство художника, который мягкой моделировкой тела в выпуклом рельефе передает утонченные формы обеих фигур. Все это очень близко к рельефам Ментухотепа III Санхкара; не остается никакого сомнения в том, что стела Хенену была сделана в период правления этого фараона, т. е. в 2010—1998 гг. до н. э.

Остается решить вопрос о социальном положении самого Хенену. В том, что он является представителем египетской знати, нет никакого сомнения. На это указывает наличие самой стелы, титул жены Хенену — единственная царская *hkr.t*, и, наконец, термин «почтенный» перед именем Хенену. Однако на основании этих указаний нельзя сказать, был ли Хенену представителем номовой знати или придворной. В решении этой проблемы снова может оказать помощь художественный анализ рельефа.

Все указанные выше стелы, начиная от стелы Хени (времени Интефа II) и кончая стелами времени Ментухотепов II и III, происходят из некрополей в Дра-Абу-эль-Негга и Дейр-эль-Бахри, расположенных около Фив и бывших основными царскими кладбищами. В большинстве этих стел титулатура, а зачастую и само содержание надписей указывают на высокие придворные должности, которые владельцы стел занимали при жизни; многие из указанных памятников принадлежат членам царской семьи и самим фараонам. Если мы обратимся к стелам этого периода, найденным в других некрополях, например, в Нагга-эд-Дер и в Дендера, то картина будет совершенно иной. Некрополь в Нагга-эд-Дер расположен в Тинисском номе, к северу от Фив, там были найдены гробницы провинциальных номархов и чиновной знати этого периода, от которых дошло до нас сравнительно много стел, хранящихся в настоящее время

¹ Стелы Метрополитэн-музея, 14,2,6 и 14.2.7.

² М. Э. М а т ь е, ук. соч., табл. IVa—г.

³ Стела Хени, Тети, стелы самого Интефа II Уаханха.

⁴ Это наблюдение было сделано М. Э. М а т ь е, ук. соч., стр. 11, и подтверждается анализом указанных выше памятников.

в разных музеях¹. При первом взгляде на них, конечно, сразу видны общие черты, характерные для рельефов XI династии. Но в них поражает прежде всего грубость отделки, иногда совершенное неумение выдержать пропорции фигур, утрировка удлиненных форм тела, резко очерченные лица; техника выполнения обличает весьма второстепенных мастеров, которые, подражая образцам придворных художников, создавали произведения не искусства, а ремесла. Значительно хуже по качеству и выполнение иероглифов. Таковы стелы Метрополитэн-музея, 25. 2. 3; стела из Музея Харвардского университета 2354, Чикагские стелы 1695 и 1696, Каирские стелы 43754 и 7871. К этим же стелам можно отнести и стелу из музея в Эдинбурге из некрополя другой провинции в Дендера.

Сопоставляя стелу Хенену со стелами провинциальной знати, мы неизбежно приходим к выводу, что высокие художественные качества стелы Хенену, резко отличающие ее от стел провинциальной знати, делают ее близкой к стелам придворного круга, что подтверждается и происхождением ее из Луксора, т. е. из Фиванского нома, где были расположены царские некрополи XI династии.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что Хенену был придворным при царе Ментухотепе III Санкхара, а его стела была сделана художниками царских мастерских. То же можно сказать и о стеле Хени, которая была выполнена придворными мастерами при царе Интефе II Уаханхе. Таким образом, оба памятника, хранящиеся в ГМИИ им. А. С. Пушкина, принадлежат к началу и концу одной и той же эпохи. Их разделяет более 100 лет. Каждый представляет собой подлинное произведение искусства. Но если в стеле Хени мы видим мастера, не овладевшего еще во всей полноте техникой, то в стеле Хенену уже чувствуется опыт, пройденный придворными скульпторами, в течение многих лет усвоившими лучшие черты уже выработанного в начале XI династии стиля и придававшими ему совершенные формы в поздних рельефах, одним из лучших образцов которых является и стела Хенену.